
ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LANGUAGE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-1-130-167

УДК 10.00.01

**КОННОТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО РЕЧЕВОГО
УПОТРЕБЛЕНИЯ ЗООНИМОВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ
ГРУППЫ «ЗАЙЦЕОБРАЗНЫЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ»)*****Болгова Е.В.***

Актуальность исследования обусловлена необходимостью фиксации процессов метаязыкового сознания, выявляемых в результате анализа функционирования языковых структур в современной речевой практике.

Цель работы – проанализировать специфику коннотативного потенциала зоонимической лексики современного русского языка.

Объект исследования – тематическая группа «Зайцеобразные млекопитающие».

Предмет исследования – коннотативный потенциал лексики данной тематической группы.

Методами исследования являются метод сплошной выборки, метод компонентного и дискурсивного анализа, анализ словарных дефиниций. Новизна работы состоит в таком анализе семантической структуры слова, который обнаруживает значимость признака в зависимости от его закрепленности в языковом сознании говорящего, а также в выявлении тенденций развития коннотативной системы зоонимической лексики современного русского языка.

Результаты исследования. Анализ функционирования зоонимов тематической группы «Зайцеобразные млекопитающие» показал,

что лексикографическое описание слов данной тематической группы не всегда отражает вторичное (переносное, метафорическое) значение. Изучение речевой практики показывает не только расширение коннотативного потенциала зоонимов, его содержания, но и изменение его состава, перераспределение его компонентов и усиление антропоцентрического начала, то есть его связи с человеческим сознанием. Были выявлены две тенденции развития коннотативного потенциала зоонимической лексики современного русского языка: первая – семантические модификации, основанные на семантико-прагматических процессах, и вторая – антропоцентризация, которая предполагает смену ценностной ориентации в сторону человека. Доказано, что речевая практика актуализирует как узуальные, так и окказиональные коннотативные компоненты. Утверждается, что главным механизмом возникновения коннотаций устойчивых сравнений русского языка выступают зрительные ассоциации.

Область применения результатов исследования. *Результаты исследования могут быть применены в учебном процессе в языковых вузах: в лекционных курсах по лексикологии, лингвокультурологии, семиотике, стилистике, общего языкознания, в преподавании спецкурсов и спецсеминаров по этим дисциплинам, на лекционных и семинарских занятиях по интерпретации художественного текста.*

Ключевые слова: *зоонимы; коннотативные признаки; современное речевое русскоязычное употребление*

**CONNOTATIVE POTENTIAL
OF THE VOCABULARY OF THE MODERN RUSSIAN
LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF MODERN SPEECH
USE OF ZOONYMS OF THE THEMATIC GROUP
“HARE-LIKE MAMMALS”)**

Bolgova E.V.

The relevance of the study is due to the need to fix the processes of metalanguage consciousness, revealed as a result of the analysis of the functioning of linguistic structures in modern speech practice.

*The **purpose** of the work is to analyze the specifics of the connotative potential of the zoonymic vocabulary of the modern Russian language.*

*The **object of the research** is the thematic group “Hare-like mammals”.*

*The **subject of the research** is the connotative potential of the vocabulary of this thematic group.*

***Research methods** are the method of continuous sampling, the method of component and discourse analysis, the analysis of dictionary definitions. The novelty of the work lies in such an analysis of the semantic structure of a word, which reveals the significance of a feature depending on its fixation in the speaker’s linguistic consciousness, as well as in identifying trends in the development of the connotative system of zoonymic vocabulary of the modern Russian language.*

***Research results.** The analysis of the functioning of zoonyms of the thematic group “Hare-like mammals” showed that the lexicographic description of the words of this thematic group does not always reflect the secondary (figurative, metaphorical) meaning. The study of speech practice shows not only the expansion of the connotative potential of zoonyms, its content, but also a modification in its composition, the redistribution of its components and the strengthening of the anthropocentric principle, that is, its connection with human consciousness. Two trends in the development of the connotative potential of the zoonymic vocabulary of the modern Russian language have been identified: the first is semantic modifications based on semantic-pragmatic processes, and the second is anthropocentrization, which involves a change in value orientation towards a person. It has been proved that speech practice actualizes both the usual and the occasional connotative components. It is argued that the main mechanism for the emergence of connotations of stable comparisons of the Russian language is visual associations.*

***Practical implications.** The research results can be applied in the educational process in language universities: in lecture courses on lexicology, linguoculturology, semiotics, stylistics, general linguistics, in teaching special courses and special seminars in these disciplines, in lectures and seminars on the interpretation of artistic text.*

***Keywords:** connotative features; zoonymic vocabulary; modern Russian-language speech practice*

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью фиксации процессов метаязыкового сознания, выявляемых в результате анализа функционирования языковых структур в современной речевой практике. Исследование дискурса особо актуально также при изучении меняющего когнитивного опыта человека, позволяющего обнаружить многочисленные связи между свойствами живой и неживой природы и человеческими качествами.

Цель работы – проанализировать специфику коннотативного потенциала зоонимической лексики современного русского языка.

Задачи работы обусловлены ее целью и предполагают следующие исследовательские шаги: 1) выявить разновидности коннотативных признаков зоонимов определенной тематической группы; 2) проследить особенности функционирования зоонимов исследуемой группы в современной речевой практике; 3) определить тенденции изменения коннотативного потенциала исследуемой зоонимической лексики.

Объект исследования – тематическая группа «Зайцеобразные млекопитающие» (терминология Е.Е. Юркова), включающая в себя обозначения следующих грызунов: байбак, дикобраз, ёж, ехидна, заяц, кролик, крот, крыса, мышь, сурок, суслик, хомяк. Выделение тематической группы и ее состав обусловлены спецификой метафорического освоения человеком мира [32, с. 431-432].

Предмет исследования – коннотативный потенциал лексики данной тематической группы.

Материал исследования – 1000 контекстов употребления зоонимов тематической группы «Зайцеобразные млекопитающие».

Источники исследования – толковые словари современного русского языка, словари сравнений, ассоциативные словари, Национальный корпус русского языка.

Использование Национального корпуса русского языка является принципиальным для данной работы, поскольку материалы Национального корпуса русского языка соответствуют принципам дескриптивного описания языка, принимающего во внимание язы-

ковую интуицию носителей языка. Выявление примеров из Национального корпуса русского языка осуществлялся путем автоматического поиска по точному совпадению.

Методами исследования являются метод сплошной выборки, метод компонентного и дискурсивного анализа, анализ словарных дефиниций.

Новизна работы состоит в таком анализе семантической структуры слова, который обнаруживает значимость признака в зависимости от его закреплённости в языковом сознании говорящего.

Мы основываемся на мнении Ю.Ю. Ушаковой, которая, разрабатывая область компаративной сочетаемости, указывает, что в сравнительной конструкции могут эксплицироваться не только самые сильные коннотации или постоянные признаки объекта сравнения, но и самые случайные (реальные или ассоциативные) его свойства, что даёт основание говорить, что сравнительная конструкция является средством формирования у слова новых коннотаций [28, с. 12] в отличие, например, от подхода, предложенного О.А. Рыжкиной, акцентирующей свое внимание на перераспределении компонентов лексического значения по степени их значимости при употреблении зоонима в речи [21, с. 19].

Кроме того, новизна работы состоит в выявлении тенденций развития коннотативной системы зоонимической лексики современного русского языка.

Постановка проблемы

Коннотативный компонент значения слова давно привлекает внимание лингвистов [13; 18; 26].

Коннотация в современном учении о семантической структуре слова понимается узко (как эмоциональный и оценочный компоненты значения или элемент прагматики) и широко (как совокупность стилистического, оценочного, эмоционального (эмотивного, экспрессивного), образного и культурного компонентов) [3, с. 67; 11, с. 92; 12; 25 и мн. др.]. Коннотация оценивается как макроэлемент лексического значения слова, хотя на этот счет существуют

разные мнения: ученые обсуждают, входит ли коннотация в структуру языкового значения или является сугубо речевым феноменом [6, с. 10-11]. Часть исследователей рассматривает коннотацию как дополнительную информацию, не входящую непосредственно в лексическое значение [3; 11; 27]. Серьезную проблему представляет разграничение денотативного и коннотативного аспектов значения [10, с. 135-146]. Многие ученые отмечают диалектическую взаимосвязь коннотата и денотата [2; 7; 12; 25; 30 и др.]. Наряду с коннотативным компонентом апеллятивной лексики исследуется так называемая ономастическая (как частный случай – антропонимическая) коннотация [8]. Отмечая типы коннотации, выделяемых В.И. Говердовским, Л.И. Зубкова, например, рассматривает 18 типов антропонимической коннотации, среди которых коннотации заимствованности, новизны и архаичности.

Есть мнение представить проблему коннотации в русле антропоцентрической парадигмы, в рамках которой считается, что коннотация как аспект лексического значения обусловлена дуализмом, то есть одновременной принадлежностью лексического значения как языковой системе, так и человеческому сознанию [6, с. 6].

Исследования ученых в области коннотативного макрокомпонента семантики слов показали некоторые тенденции его изменения. Так, Е.В. Сенько, исследуя китайские слова в современном русском языке, отмечает следующие коннотативные сдвиги, представленные частными трансформациями: исчезают семы отрицательной эмоциональной оценки; отрицательные семы меняются на положительные, нейтральные эмотивные семы трансформируются в положительные или отрицательные, семы положительной эмоциональной оценки меняются на отрицательные эмотивные [23, с. 63]. Л.Г. Зубкова, анализируя прецедентные имена, утверждает, что коннотативная наполненность слова увеличивается постепенно благодаря расширению речевых контекстов [8, с. 21, 24-25]. Н.В. Черникова, обращаясь к современной политико-идеологической лексике, выявляет переориентацию базовых сигнификатов, семантическую модификацию, внутрилексемную реструктуризацию и контекстную

диффузность коннотативной семантики [29, с. 22]. З.И. Минеева при исследовании зоотропов обнаружила тенденцию изменения их семантики от конкретному к абстрактному [16].

Основой анализа в нашем исследовании является мысль о том, что функционирование зоонима в речевой практике актуализирует в его семантической структуре коннотативные признаки разного типа. Мы разделяем точку зрения Ю.Ю. Ушаковой, что коннотативная система, являясь мощным средством, проявлением и результатом познавательной деятельности человеческого сознания, не является застывшим конгломератом, а находится в состоянии постоянного изменения и развития [28, с. 13]. Для нашего исследования важно, что у слова есть «сильные коннотации» (Ю.Ю. Ушакова), которые в нашей терминологии называются словарными, то есть представленными в толковании лексического значения в словарях литературного русского языка; коннотации, которые являются переходными от сильных к слабым, то есть закрепленными в языковом сознании носителя языка/культуры, но не представленными в словарях литературного русского языка, и слабые коннотации, которые не ассоциируются в полной степени в языковом сознании с данным зоонимом, так как имеют множественные синтагматические связи и эти связи лишь частично могут пересекаться с употреблением зоонима. Такое деление в отличие от традиционного выделения оценочных коннотативных компонентов и распределения изучаемых зоонимов на группы с разным соотношением семантики (нейтральной, негативной и положительной) [16, с. 331] позволяет проследить все оттенки коннотативного макрокомпонента, а не только оценочность, учитывая прозрачность границ между языком и речью.

Кроме того, в отдельную группу выделяются коннотации, которые не направлены на актуализацию постоянного признака животного для обозначения человека, а наоборот, выделяют в животном признаки человека. Этот подход даст возможность выявить процесс антропоцентризации в группе зоонимической лексики, который меняет вектор отношений человек↔животное, определив активную и пассивную роль всех участников когнитивного взаимодействия.

Рассмотрим эти положения на примере тематической группы «Зайцеобразные млекопитающие».

Результаты исследования

Тематическая группа «Зайцеобразные млекопитающие» включает в себя обозначения грызунов: байбак, дикобраз, ёж, ехидна, заяц, кролик, крот, крыса, мышь, сурок, суслик, хомяк.

Лексикографическое описание слов данной тематической подгруппы не всегда отражает вторичное (переносное, метафорическое) значение. Из 12 названий животных такое значение отражено в [5] только в 7. Причем статус такого компонента различен: в одних случаях это второе значение (байбак – о ленивом или одиноком, не имеющем своей семьи человеке [5, с. 55]; хомяк – о ком-либо неповоротливом, нерасторопном, обычно полном [Там же, с. 1451]; дикобраз – о лохматом, непричесанном, неопрятном человеке [Там же, с. 259]; крыса – (с опр.) о человеке, род занятий, деятельность которого расценивается как что-то мелкое, ничтожное [Там же, с. 476]); в других – коннотация, добавляющая основное значение (суслик – о молодых, неопытных людях. *Эх вы, суслики!* [Там же, с. 1291]; ёж – о неуступчивом, обидчивом, колючем человеке [Там же, с. 295]); есть варианты представления информации как энциклопедической справки (заяц – традиционный персонаж русского фольклора – слабый, беззащитный, трусливый зверь) [Там же, с. 359]).

Употребление зоонимов в речевой практике увеличивает коннотативную наполненность слов, раскрывая их потенциал и актуализируя как узуальные, так и окказиональные коннотативные компоненты.

Анализируемую группу можно условно разделить по ключевому слову на следующие подгруппы: «сурок» (байбак, сурок, суслик, хомяк), «ёж» (дикобраз, ёж, ехидна), «заяц» (заяц, кролик), «крыса» (крыса, мышь) и «крот» (крот). Критерием для объединения слов в подгруппы служит не только биологический признак животного, но и общие ведущие коннотативные признаки зоонима.

В подгруппе «сурок» высокочастотным зоонимом, употребляемым в речевой практике в переносном значении, является слово сус-

лик. Ведущими признаками лексемы являются «ленивый» и «одинокий». Это сильные коннотации, которые являются узуальными, так как эти элементы значения стабильны, укоренены в языковом и национальном сознании носителя русского языка. Показателем стабильности («силы») коннотации является их фиксация в словарях русского литературного языка, в том числе в словаре устойчивых сравнений. См.: **жить как байбак** – обычно о ленивом, нигде не работающем человеке [14, с. 220]; **лежать как байбак** – о ленивом, не желающем трудиться человеке [Там же, с. 231]; **спать как сурок** – о человеке, быстро засыпающем и спящем крепко, долго [Там же, с. 72]; **спать как суслик <в норе/норке>** – о человеке, спящем спокойно, безмятежно, в безопасном месте [Там же, с. 72]; **сидеть, отсиживаться как суслик в норе/норке** – о человеке, ведущий замкнутый образ жизни [Там же, с. 229]. Сильные коннотативные признаки «ленивый» и «одинокий» в некоторых контекстах взаимозаменяемы. Ср.: **жить как байбак** – обычно о ленивом, нигде не работающем человеке [Там же, с. 220], **жить байбаком** – об одиноко живущем холостяке [15, с. 29].

Исследовательский интерес в исследуемой тематической группе представляют коннотации, которые связаны с ассоциациями среднего носителя языка. По мнению О.Н. Иванищевой, поскольку восприятие слова и текста связано с тем объемом знаний, которые носитель языка усваивает в процессе социологизации, в том числе при обучении в школе, то средним носителем языка логично считать всякого человека, получившего среднее школьное образование [10, с. 61]. Кроме того, средний носитель языка усваивает знания из текстов СМИ, в том числе кинематографической продукции. И хотя эти признаки не всегда относятся к числу исследуемых в настоящей работе, они обогащают коннотативную палитру зоонима и тесно связаны с восприятием мира человеком.

Так, в контекстах употребления лексем *сурок* и *суслик* встречаем примеры актуализации коннотативного компонента, связанного с фоновыми знаниями носителя языка. См. примеры: (1) – А из готовых, однако же, произведений? – Могу Бетховена «Сурок». – «Сурок»?

Что же? Давай твоего «Сурка» [Ю. Дружников. Виза в позавчера (1968-1997)]; Наигрывал, приглушенно напевая слова, и по многу раз повторял рефрен: «По разным странам я бродил, и мой **сурок** со мною...» [О.В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца (1988)]; (2) – Дело в том, что в Америке существует давняя народная примета: если второго февраля пенсильванский **сурок** высунется из норы, испугается своей тени и юркнет обратно — быть стуже и ветрам еще шесть недель [Б.Г. Стрельников. Тысяча миль в поисках души (1979)].

В примерах (1) реализуется коннотативный признак, связанный с произведением Л. Бетховена «Сурок» – песней на стихи И.В. Гёте, которая используется во многих курсах обучения музыке и считается популярной в исполнении детского хора и в академическом исполнении. В примере (2) актуализируются коннотации, основанные на ассоциациях, связанных с американским фильмом «День сурка» (1993). Выражение «день сурка» вошло во многие языки мира как синоним рутинно повторяющегося события. Из этого фильма российские зрители узнали о процедуре празднования Дня сурка в США 2 февраля, когда сурок-метеоролог предсказывает появление весны, вылезая или не вылезая после зимней спячки из своей норы.

Переходным вариантом от сильной коннотации к слабой являются случаи употребления лексемы в народной, диалектной речи, в субстандартном языке. Эти коннотации также фиксируются в словарях, но не имеют такой распространенности в языковом сознании всех носителей языка, о чем свидетельствует тот факт, что данной группе встречаются не только узуальные, но и окказиональные переходные коннотации.

Узуальные переходные коннотации детализируют признаки сильного коннотативного признака. Для сильного признака «ленивый» с глаголами-актуализаторами «спать», «отсиживаться», «лежать», «жить» в рассматриваемых примерах представлен переходный признак с актуализаторами «сидеть дома», «залезать в норку» («прятаться в норке»). Для сильного признака «одинокий» с глаголами-актуализаторами «спать», «отсиживаться», «лежать», «жить»

в рассматриваемых примерах представлен переходный признак с актуализаторами «сидеть дома», «залезать в норку» («прятаться в норке»). Наряду с признаком «полный», связанным причинно-следственными связями с сильным признаком «ленивый», в речевой практике актуализирован признак «нескладный», «большой по размеру» и неотчуждаемый признак «внешний вид» (щеки). См.: **здоровый как хомяк** – о здоровом, полном и не желающем работать человеке [15, с. 725]; **как хомяк** – о нескладном, неуклюжем человеке; о полном, пухлом и сонливом человеке [Там же]; **щеки у кого-то как у хомяка** – о чьих-то пухлых, массивных, толстых щеках [Там же].

Детализируют сильный коннотативный признак и окказиональные признаки, такие как «зимовать» (1) и «дремать» (2): (1) **зимовать как сурок** – о человеке, мало выходящем из дома зимой [Там же, с. 668]; (2) **дремать как сурок** – о не показывающем никаких сейсмических колебаний сейсмографе [Там же].

Мотивационными основаниями сильных и переходных признаков, конкретизирующих сильные коннотативные признаки, являются внешнее сходство человека с животным и их сходство в поведении. См.: **хомяк** – небольшой грызун *с толстым неуклюжим телом и развитыми защечными мешками*, живущий в норах и собирающий в них большие запасы зерен, семечек и т.п. [5, с. 1451] (ср.: **щеки у кого-то как у хомяка** [15, с. 725]; **здоровый как хомяк** [Там же]); **байбак** – степной грызун из рода сурков, осень и зиму *проводящий в спячке* [5, с. 55]; **сурок** – небольшое животное семейства беличьих, зимой *впадающее в спячку* [Там же, с. 1291].

В субстандартном языке, в народной и диалектной речи обнаружены также переходные коннотативные признаки «слабый», «замерзший», «мокрый», «пьяный» и неотчуждаемый признак «внешний вид» (лицо). См.: **Эх ты, суслик** – от подкаблучный (слабый робкий – о мужчине, характере, поведении) [24]; **замерзнуть как суслик** – о сильно замерзшем человеке [15, с. 668]; **мокрый как суслик** – о промокшем от дождя человеке [Там же]; **назюзиться как суслик** – о напившемся пьяном человеке [Там же]; **пьяный**

как суслик – об очень пьяном, вялом и сонном от выпитого алкоголя человека [Там же]; **лицо у кого как у суслика** – о человеке с худощавым, вытянутым лицом [Там же].

Коннотативный признак «внешний вид» (лицо), не конкретизирующий сильную коннотацию, мотивирован внешним сходством человека с животным (зрительные ассоциации с вытянутой мордочкой суслика).

Среди переходных признаков, не конкретизирующих сильные коннотативные признаки, в анализируемом материале встретились немотивированные признаки («слабый», «замерзший», «мокрый», «пьяный»). Можно, правда, в качестве мотивационного основания отметить один из способов добычи сусликов: их выгоняют из нор водой. Поэтому их внешний вид суслика при этой процедуре «мокрый» определяет ассоциативную связь с «пьяный».

Интересна конструкция «*Эх ты (вы), суслик(и)!*». Значение выражения варьируется от «о молодых, неопытных людях» [5, с. 1291]; до «подкаблучный (слабый робкий – о мужчине, характере, поведении)» [24]. Данные конструкции трактуются как выражение восхищения наряду с конструкциями типа *Вот стерва!* [16, с. 334] и *ай да Байбак!* в словаре Пушкина [19, с. 2965], в которых актуализируется только эмоциональный компонент коннотативного макрокомпонента. В последнем случае исследователи отмечают также смену оценочной коннотации, что делает лексему **байбак** амбивалентной, энантиосемичной [Там же].

Слабые коннотации широко представлены в речевом русскоязычном дискурсе, выявленном в Национальном корпусе русского языка [17]. Привлечение для исследования Национального корпуса русского языка позволяет представить, по мнению исследований, наиболее точную и полную картину состояния современной семантики зоонимов [16, с. 330].

Среди слабых коннотаций лексемы *суслик* выделяются следующие коннотативные признаки, разделяемые примерно по тем же критериям, что и остальные группы коннотативных признаков – «размер», «возраст», «характер», «поведение» (маленький (по раз-

меру)/старый/маленький (по возрасту)/воровитый/ничтожный/любопытный/гордый). См. примеры: «маленький (по размеру)» (И он, мало того, что терпелив, он еще, какой странный, снисходителен, великодушен, доверчив, как заяц, как маленький **сурок**, как крошечный воробей, и благодарен, как старый лохматый медведь, и безупречен, как воздух, господи боже мой...») [Б. Окуджава. Путешествие дилетантов (Из записок отставного поручика Амираана Амилахвари) (1971-1977)]; «старый» (А себя-то я с Матреной, старый **хомяк**, забыл! [В.Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга вторая. Ч. 1-2 (1939-1945)]); «маленький (по возрасту)» (А применительно к твоему возрасту это несколько проще: тебе, **суслик**, надо учиться... [Г. Полонский, Наталья Долиннина. Перевод с английского (1972)]); «воровитый» (Еще до её покупки он натаскал понемножку, потихоньку, по охапкам у соседей и у кого попало просяной и овсяной соломы, как **сурок**, припрятывая ее на чердаке! [А.Н. Будищев. Епифоркино счастье (1897)]); «ничтожный, мелкий» (Что мог показать ему, старому тундровому волку, такой робкий новичок, «полярный **суслик**», как я? [Б.Л. Горбатов. Карпухин с Полены (1937)]); Нахожусь я, как тот **суслик**, в неволе [П.Ф. Нилин. Ближайший родственник (1937)]; «Вот и вся твоя мелкая жизнь, **суслик**, — думал я о себе, лежа в снегу [П.Ф. Нилин. Знаменитый Павлюк (1937)]); «гордый» (Прихожу домой, гордая, как **суслик**, что в кои-то веки с вкусной добычей, которую в магазине ни за какие деньги не купишь, а он... [коллективный. Блоги // Русский репортер, 2012]); «любопытный» (Он любопытен, как **суслик**, бродит от костра к костру, выщупывает настроение людишек [В.Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга третья. Ч. 1 (1934-1945)]).

Таким образом, в группе со слабой коннотацией обнаруживается и нейтральная, и позитивная, и негативная коннотации.

Материал показывает, что внутри коннотативного макрокомпонента зоонимов происходят оценочные трансформации (от негативной оценки к нейтральной и позитивной), причем позитивные коннотации чаще наблюдаются в примерах хронологически более ранних, чем негативные. Ср.: А зачем уходила? Не плачь, **суслик**!

Для чего слезы? Ведь люблю тебя, девочка!... [А.П. Чехов. [Безотцовщина] (1878)]; Последние слова были сказаны ею не без игривого кокетства, что весьма удивило плюгавенького пискуна, ибо Лидинька никогда еще не обращалась к нему в подобном тоне. — Ну, что же вы, хомяк эдакой! — дернула она его за рукав. — Слышали мое приказание? [В.В. Крестовский. Понургово стадо (Ч. 1-2) (1869)].

У зоонима *суслик* развилась также антропоцентрическая коннотация (см. об этом [8, с. 22]). Этот зооним употребляется как имя собственное: «К обеду жди. Твой **Суслик**». А стул я захватил в столовой. Трамвая в эти утренние часы нет — отдыхал по пути [Е. Петров, И. Ильф. Двенадцать стульев (1927)]. В этом примере прецедентность текста переводит антропоцентрическую коннотацию зоонима *суслик*, с нашей точки зрения, в разряд сильных коннотаций.

Выбор зоонима *суслик* в качестве имени человека чаще мотивирован индивидуальными чертами именуемого и потребностями именуемого: А звали его **Суслик** потому, что когда рассказывал, то бровями договаривал — вдруг начинал как-то губами суслить, а брови, пока он суслил, останавливались, глаза почти закрывались [В.А. Гиляровский. Козел и «чайка» (1933-1935)].

Антропоцентрической коннотацией обладают не только зоонимы-имена собственные, но и зоонимы, употребляемые в роли прозвищ. См. примеры: (1) «Царскосельский **суслик**», как прозвали царя революционно настроенные матросы, отбыл на другие корабли [А.С. Новиков-Прибой. Цусима (1932-1935)]; (2) Казалось несколько странным, как подобный «придворный **суслик**», как прозвали гардемарини этого франтового и светского капитан-лейтенанта, мог быть флаг-капитаном у такого человека, как беспокойный адмирал [К.М. Станюкович. Беспокойный адмирал (1894)].

В подобных употреблениях основным признаком является признак «слабый» (1) и «выслуживающийся перед начальством» (2).

Необходимо отметить, что граница между коннотациями в языке и речи не является застывшей, статус языковых приобретают

только массово употребляемые, устоявшиеся во времени речевые коннотации, воспринятые представителями всех слоев общества [8, с. 22]. В анализируемых примерах доказательством этого факта может служить коннотативный признак «замирать» у зоонима *суслик*. В словарях этот коннотативный признак не указан, но в современной речевой практике употребляется часто, узнаваем носителями современного русского языка, а значит, закреплен в их языковом сознании. См. пример: И моей дочери тоже — где бы она ни была, когда идет эта реклама, несется к телеку сразу и замирает как **суслик** [Рекламные ролики на TV (2007)].

В анализируемой группе слов наблюдается взаимозамена зоонимов в устоявшихся сочетаниях: **спать как суслик** в современной речевой практике употребляется чаще, чем **спать как сурок**; вместо **надуться как мышь на крупу** – **надуться как хомяк**; **замереть как сурок** заменяется в других речевых контекстах на **замереть как ёж**.

В группе «ёж» высокочастотным зоонимом, употребляемым в речевой практике в переносном значении, является слово *ёж*. Ведущими признаками лексемы являются «лохматый, торчащий в разные стороны» и «мнительный, обидчивый».

Лексикографическое описание всех слов данной тематической подгруппы отражает вторичное (переносное, метафорическое) значение или как отдельное значение (дикобраз, ехидна), или как коннотативный компонент (ёж). См.: **дикобраз** – о лохматом, непричесанном, неопрятном человеке [5, с. 259]; **ёж** – о неуступчивом, обидчивом, колючем человеке [Там же, с. 259]; **ехидна** – злобный, язвительный и коварный человек [22]. Эти компоненты относятся к группе сильных коннотаций в данной тематической подгруппе. Ср. данные ассоциативных экспериментов: колючий (47 реакций на стимул *ёж*) [20].

Узуальные переходные коннотации детализируют признаки сильного коннотативного признака и представлены в данной тематической подгруппе элементами «колючий (о давно не бритом человеке или торчащих вверх волосах)» для сильного признака «лохматый, торчащий в разные стороны» (1) и «сердитый», «неу-

ступчивый», «неприветливый», «заносчивый, высокомерный» для сильного признака «мнительный, обидчивый» (2). Второй признак оказывается шире по своим потенциальным возможностям. См.: (1) **жуткий как дикобраз** – об очень грязном человеке [15, с. 169]; **заросший (обросший) словно дикобраз** – о заросшем жесткими, торчащими в разные стороны волосами и бородой человеке [Там же]; **колючий как дикобраз (как ёж)** – о человеке с жесткой и колючей щетиной на давно не бритом лице [Там же, с. 169, 189]; **щетина у кого как у ежа** – о человеке с заросшим, небритом, щетинистым лицом [Там же, с. 189]; **волосы у кого ежом (как у ежа, дикобраза)** – о чьих-либо коротко остриженных и торчащих вверх волосах; о поднявшихся дыбом от страха волосах [Там же, с. 169, 189]; **стоять/стать (торчать) ежом** – о чьих-то коротко остриженных, торчащих вверх волосах [Там же, с. 189]; (2) **ощетиниться как дикобраз (ёж)** – о человеке, рассердившемся на кого-либо на какие-либо слова, поступки [Там же, с. 169, 189]; **у кого словно ёж под черепом** – о человеке, который постоянно беспокоится, мучается чем-либо. [Там же, с. 189]; **шероховат как ёж** – о строптивом неуступчивом человеке [Там же]; **вертится словно на ежа сел** – о человеке в состоянии крайнего волнения, нервного возбуждения, беспокойства [Там же]; **сидеть/смотреть ежом/как ёж** – о чьем-то колючем, враждебном, неприветливом взгляде [Там же].

Мотивационным основаниям сильных и переходных признаков является внешних вид животного – наличие иголок у всех млекопитающих данной подгруппы.

Слабые коннотации, представленные в речевом русскоязычном дискурсе, выявленном в Национальном корпусе русского языка [17], актуализируют следующие коннотативные признаки, которые человек выделяет в поведении животного: «агрессивность в поведении» (1) (дикобраз), «фырканье» (2), «шелестенье под листвой» (3) (ёж), «замереть как ёж» (4), «бояться как ёж» (5). См. примеры: (1) – Ну, полно, Настасей Митрич, – унимал его Мазалевский и гладил по голове, как сердитого пса. – Экий ты у меня **дикобраз** какой! Ну чего ты на людей кидаешься, разбойничек муромский?

[Д.С. Мережковский. Александр Первый (1922)]; (2) Ребенка за мебелью... – директор фыркнула абсолютно как **еж**. – Я не ребенок [В. Токарева. Ни сыну, ни жене, ни брату (1984)]; (3) Завернувшись в ворох реквизированных газет, Саша долго шумно шелестел, как **еж**, и ворочался в сырых кустах, не в силах заснуть [Митьки. Папуас из Гондураса (1987)]; (4) Если она меня ими коснётся, я замру, как **ёж** [С. Сэ. Ева (2010)]; (5) Они, конечно, могут запретить. Олег боится этого, как **еж**. Но я скажу им: «Милые мои!» [Д. Смирнова. Массовая ирония судьбы (1997) // Столица, 1997.12.22].

В данной тематической подгруппе особенно частотны употребления зоонимов как обращения. См. пример: Да, прямо бухнул... Остолоп! **Дикобраз!** Тюфяк! Уродись он в меня, – иное бы дело было [Е.А. Салиас. Крутоярская царевна (1893)].

Примеры с зоонимом *дикобраз* встречаются чаще в литературе конца XIX– начала XX вв.

С зоонимом *ехидна* частотны примеры в номинативных конструкциях, в которых коннотативные признаки актуализируются в тексте и при наличии актуализаторов (1), и без них (2). Ср. примеры: (1) Вре-е-ешь, подлый человек! **Ехидна дьявольская!** Был во мне Бог! [Э. Володарский. Дневник самоубийцы (1997)]; (2) ...с притворным простодушием переспросила Машенька. – А ты **ехидна!** – рассмеялась Николь [В. Михальский. Весна в Карфагене (2001)].

Коннотации лексемы *ехидна* актуализируются и в более широком (фоновые знания), и в более узком (текст) окружении. Так, в примерах «Отец-то у нее хороший, достойный, да только он на работе круглые сутки. А Верка – не мать, а **ехидна**. Что ни день – пьяная» [А. Маринина. Шестерки умирают первыми (1995)] и «И напиши, – сказала Евдокия властно, – что ты от него отказываешься, что ты ему не мать, а **ехидна**» [В.Ф. Панова. Евдокия (1944-1959)] коннотативный признак выявляется при употреблении конструкции с противительным союзом (не ..., а). А в примере «Погодите минуту, – геолог принес старую книгу, нашел нужную страницу и прочитал: – «Женщина есть **ехидна**, и скорпион, и лев, и медведь,

и василиск, и аспид, и похоть несытая, и неправдам кузнец, и грехам пастух, и выпыкательница» [И. А. Ефремов. Лезвие бритвы (1959-1963)] *ехидна* олицетворяет женщину как сборище всех грехов согласно религиозным представлениям. Хотя в анализируемом материале встречаются примеры иного гендерного отношения: В унтах... Не иначе, как он... **ехидна!**.. [В.К. Кетлинская. Мужество (1934-1938)].

Исследовательский интерес представляет процесс создания прозвищ и кличек. Прозвище, как известно, носит ситуативный характер и в его основе лежат какие-то характеристики внешнего облика, поведения или особенности речи, признающиеся большим или малым коллективом [31, с. 214]. Само собой разумеется, что прозвище отражает признаки не только человека, которому дают прозвище, но и предмета или реалии, от которого прозвище образовано. По отношению к лексеме *ехидна* этот признак можно сформулировать следующим образом: «прямота в сочетании с безответственностью за последствия своих поступков и слов». См. пример: Фрейлина Анна Федоровна, старшая дочь от первого брака, унаследовала от отца блестящее остроумие, полную душевную свободу, опасно обострив ее женской безответственностью и вызывающей прямоотой, что укоренило за ней при дворе кличку **Ёж** [Ю.М. Нагибин. Сон о Тютчеве (1972-1979)].

Особую группу коннотативных признаков составляют те, которые реализуют двунаправленность употребления зоонима в речевой практике: животное сравнивается с человеком, а не наоборот. В анализируемой подгруппе *ехидне* приписывается качество человека – *хихикать*: – Вы бы слышали мою интонацию. Я даже приготовился захихикать, как **ехидна**. Мол, как тебе мой вопросик? [И. Грошек. Легкий завтрак в тени некрополя (1998)].

В подгруппе «*заяц*» (заяц, кролик) высокочастотным зоонимом, употребляемым в речевой практике в переносном значении, является слово *заяц*. Ведущими признаками лексемы являются «трусливый» и «слабый». Ср. данные ассоциативных экспериментов: трусливый (4 реакции на стимул *заяц*) [20].

Лексикографическое описание всех слов данной тематической подгруппы не полностью отражает вторичное (переносное, метафорическое) значение лексем. Только зооним *заяц* имеет словарную фиксацию коннотации в качестве созначения: заяц – слабый, беззащитный, трусливый зверь [5, с. 359].

Сильные узуальные коннотации в более полной степени представлены в словаре устойчивых сочетаний, но опять же для лексемы *заяц*. См.: **дрожать, бояться, трусить как заяц** – о дрожащем от страха или сильной робости человеке [14, с. 265]; **бежать, разбегаться как зайцы** – о людях, в панике убегающих от опасности [Там же, с. 91]; **мотать, бегать <туда-сюда> как соленый заяц** – о человеке, пребывающем в заботах, хлопотах, чрезмерно занятом [Там же, с. 111]; **петлять как заяц** – о человеке, который стремясь оторваться от преследователей, запутывает следы [Там же, с. 114]; **петлять как заяц** – говорить неискренне, стремясь скрыть истинное положение дел, свою вину или намерения [Там же, с. 213]; **разбегаться, бежать <в разные стороны, врассыпную> как зайцы** – о людях, трусливо убегающих от опасности [Там же, с. 117]; **убегать, удирать как заяц** – без оглядки, трусливо (о человеке) [Там же, с. 121]; **трусливый, пугливый; трусить, пугаться, бояться как заяц** – об очень робком, трусливом человеке [Там же, с. 138-139]; **гонять, травить кого-л. как зайца** – обычно о человеке, которого вынуждают то и дело менять место пребывания [Там же, с. 158]; **смотреть, уставиться на кого-л. как кролик на удава** – со страхом, обреченно [Там же, с. 176]; **смотреть, уставиться на кого-л. как удав <на кролика>** – с ненавистью, презрением или тупо [Там же, с. 176-177].

Такой широкий спектр коннотаций позволяет усомниться в том, что все они могут быть отнесены к сильным коннотациям. Так, сочетания **мотать, бегать <туда-сюда> как соленый заяц** и **петлять как заяц** вряд ли так прочно закрепились в языковом сознании носителя русского языка, как, например, **дрожать, бояться, трусить как заяц; убегать, удирать как заяц; трусливый, пугливый, трусить, пугаться, бояться как заяц; смотреть, уставиться на кого-л. как кролик на удава**.

В субстандартном языке, в народной и диалектной речи обнаружены переходные коннотативные признаки, разделяемые по критериям: особенности характера («робкий», «беззащитный, обреченный», «хилый», «одинокий», «бездеятельный, мало работающий», «некомпетентный»), специфика поведения («убегать», «прыгать», «взвизгивать», «хрустеть»), и неотчуждаемый признак «внешний вид» (глаза, память).

Конкретизируют сильные коннотации «трусливый» и «слабый» лишь переходные коннотативные признаки, отмечающие особенности характера: «робкий» (**бегать кому как зайцу, приложить уши** – о робком, несмелом человеке, боящемся трудных ситуаций [15, с. 213]; **как заяц** – о трусливом, робком, очень опасливом человеке [Там же, с. 214]; **пуглив (пугливый, боязлив, боязливый) как заяц** – об очень пугливом, робком, опасливом и крайне осторожном человеке [Там же, с. 214]; **растерянный как заяц** – о растерянном от страха человеке [Там же, с. 214]); «беззащитный, обреченный» (**беззащитный как заяц** – о беззащитном человеке или животном [Там же, с. 214]; как **подопытный кролик у кого** – о людях, работающих в жестко регламентируемых условиях и под постоянным наблюдением кого-либо [Там же, с. 310]); «хилый» ((ходить) **как заяц драный** (ободранный) – о чрезмерно хилом, тощем человеке [Там же, с. 215]; «одинокий» (**домков (домов) у кого как у зайца холомков (теремов)** – о бездомном, неимущем человеке [Там же, с. 213]; **один (одна) как заяц на острове** – о крайне одиноком, живущем в уединении человеке [Там же, с. 214]; **остаться как заяц на острове** – о чем-либо крайнем одиночестве и горе [Там же]; сидеть как заяц на острове – о человеке, отрезанном от окружающего, изолированном от остального мира [Там же]. Коннотативные признаки «бездеятельный, мало работающий», «некомпетентный» можно оценить как связанные причинно-следственной ассоциативной связью с коннотативным признаком «слабый»: **работать как заяц** – о крайне мало работающем человеке [Там же]; (разбираться в чем-то) **как заяц в геометрии** – о полной некомпетентности кого-либо в чем-либо [Там же].

Коннотативные признаки, связанные с переносом особенностей поведения животного на поведение человека («убегать», «прыгать», «взвизгивать», «хрустеть»), а также неотчуждаемый признак «внешний вид» (глаза, память) появляются благодаря расширению речевых контекстов и связаны с когнитивным опытом человека.

Коннотативный признак «убегать», «прыгать» содержит компонент «от страха», поэтому он конкретизирует сильную коннотацию «трусливый». Подобную идею находим при описании сновидений: «... слову *заяц* в языке и народной культуре присуще образно-символическое значение *трусости*; в снотолковании символика *трусости* получает развитие через ассоциаты *боязнь*, *страх*, связанные с ситуацией опасности» [9, с. 12]. См. примеры: **разбежаться как зайцы** – о разбежавшихся врассыпную, в разные стороны *трусливых* людях [15, с. 213]; **утекать как зайцы** – о поспешно, без оглядки (*в страхе*) убегающих людях (особенно детях) [Там же, с. 214]; **бежать как зайцы** – о быстро, панически, *в большом страхе* убегающем человеке [Там же]; **как заяц на горе** – о далеко убежавшем человеке [Там же]; **метаться/метнуться куда как заяц** – о внезапно и стремительно (часто большими и энергичными прыжками) бросившемся куда-либо или отпрянувшем откуда-либо человеке [Там же]; **прыгать (сигать) как заяц** – о человеке, делающем длинные, высокие и резкие прыжки, скачки [Там же]. Коннотативный признак «убегать» обогащается с помощью метафорического переноса (убегать – менять направление – менять место работы – скрывать свои замыслы): **петлять как заяц (зайцем)** – о человеке, часто и быстро меняющем направление во время бега, петляющем (чтобы уйти от погони, уберечься от выстрелов, снарядов и т.п.) [Там же]; **петлять как заяц (зайцем)** – об очень изворотливом, плутоватом человеке, стремящемся обмануть кого-либо, скрыть свои истинные замыслы [Там же, с. 214]; **прыгать как заяц в капусте** – о человеке, часто меняющем место работы, не сидящем на одном месте [Там же].

К этому ряду относятся примеры **выглядывать откуда как заяц из норы** – о человеке, боязливо, осторожно и недоверчиво выглядывающем откуда-либо [Там же] (1) и **спать как заяц** – о чем-то

чутком сне [Там же, с. 215] (2), так как содержат элемент *боязливо* (1) и имплицитный смысл того же содержания (*чуткий* – легко нарушаемый, тревожный, настороженный [5, с. 1487]).

Мотивационными основаниями сильных и переходных коннотативных признаков в этой подгруппе являются внешнее сходство человека с животным и сходство их поведения. Так, в основе оборота **сидеть как заяц на острове** лежит образ зайца, оказавшегося во время весеннего половодья на острове [15, с. 214].

Причина возникновения сильных и переходных коннотативных признаков часто заключается в ассоциациях, возникающих в сознании носителя языка. Это подтверждается выводами исследователей, утверждающих, что главным механизмом возникновения коннотаций устойчивых сравнений русского языка выступают зрительные ассоциации. В меньшей степени представлены осязательные и обонятельные ассоциации [4, с. 5]. Так, в примерах с зоонимами тематической подгруппы «*заяц*» зрительные ассоциации играют решающую роль: **глаза у кого красные как у кролика** – о чьих-либо сильно покрасневших (от дыма, бессонницы, злоупотребления алкоголем и похмелья, плача, насморка, болезни и т.п.) глазах [15, с. 310]; **глаза врозь как у зайца у кого** – о косоватом, раскосом человеке [Там же, с. 213]. Ср. данные ассоциативных экспериментов: косой (8 реакций на стимул *заяц*) [20].

Коннотативные признаки «взвизгивать», «хрустеть» (**визжать/взвизгнуть/пищать как заяц** – о жалобно, тонко взвизгнувшем или пискнувшем человеке [15, с. 214]; **грызть что как заяц/хрумчать как кролики** – о человеке, едящем что-то с хрустом [Там же, с. 214, 310]; **хрустеть/захрустеть как заяц** – о едящем с хрустом какие-либо овощи (морковку, капусту и т.п.) человеке или животном [Там же, с. 215]) обусловлены слуховыми ассоциациями со звуками, издаваемыми животными.

В примере **память у кого как у зайца** (о чьей-то очень плохой, короткой памяти [Там же, с. 213]) скорее всего ассоциативный ряд ведется от такого признака животного, как короткий хвост (**короткий как у зайца хвост** – о чем-то очень коротком [Там же]).

Признак «длинный» (длинные уши) ассоциируется у носителей современного русского языка с животными *заяц* и *кролик* довольно часто, как показывают данные (уши – 6 реакций на стимул у *заяц* и ушастый – 6 реакций на стимул у *кролик* [20]), но в речевой практике примеров на актуализацию этого антропоморфного коннотативного признака (даже в его вариации – вислоухий, длинноухий) практически не представлено, так как длинные уши не характерны для внешности человека, если только речь не идет о шапке. См. пример: Голодное детство в оккупированном городке — и он, **длинноухий** малец по фамилии Заяц, подался учиться в прусскую школу и записался в Союз свободной молодежи: хоть кормили два раза в день и одевали [А. Пашкевич. Сим победиши // Сибирские огни, 2013]. Данному контексту свойственна двойственность восприятия: непонятно, речь идет о длине ушей мальчика или шапки, которую он носит. Такая же неопределенность характерна и для следующих примеров: Долговатый лицом, **длинноухий**, волосы светлые, а брови рыжие [А.И. Солженицын. Желябугские Выселки (1998)]; Все знали, что когда по улице идет заросший **длинноухий** мальчишка и негромко поет забавную песню [Е. Велтистов. Классные и внеклассные приключения необыкновенных первоклассников (1985)].

Слабые коннотации, единично представленные в речевом русскоязычном дискурсе, выявленном в Национальном корпусе русского языка [17], актуализируют следующие коннотативные признаки, которые человек выделяет в поведении животного: «глупый, доверчивый» (1) и «тихий» (2). См. примеры: (1) Только одна мысль сверлила голову: так попасться!.. Словно глупый **заяц**! Приподнявшись, я не увидел своего автомата [А.П. Мартыненко. Дневник (1971) // Литературная газета, 1971.05.05.]; И он, мало того, что терпелив, он еще, какой странный, снисходителен, великодушен, доверчив, как **заяц**, как маленький сурок, как крошечный воробей, и благороден, как старый лохматый медведь, и безупречен, как воздух, господи боже мой...» [Б. Окуджава. Путешествие дилетантов (Из записок отставного поручика Амираана Амилахвари) (1971-1977)]; (2) Ма-мед действительно оказался там, но тихий, как **кролик** [В. Мясни-

ков. Водка (2000)]; А так он пробирается по кустарнику совершенно тихо, как **кролик**, на своих «каучуковых» подошвах его ступни опираются на подушки эластичной ткани [В. Лебедев. Природа и человек. Возвращение в саванну, или Обыкновенное сафари в Самбуру // Вокруг света, 1995].

В примерах наблюдается взаимозамена зоонимов с одной и той же коннотацией (**косоглазый как кролик/заяц; уставиться как заяц/кролик на удава; пьяный заяц/суслик/ёжик**).

В целом употребление зоонимов *заяц* и *кролик* в качестве обозначения человека имеет негативную оценочную коннотацию. Противоположные данные были получены Ф.Э. Абдуллаевой в результате сравнительно-сопоставительного анализа лексемы *заяц* в трех языках (русский, азербайджанский и китайский), которая утверждает, что этот зооним имеет в этих языках однозначно положительную оценку [1, с. 16].

Необходимо отметить, что в функции обращения зооним *заяц* довольно частотен и имеет позитивную (1) или нейтральную (2) оценочную коннотацию. См. примеры: (1) – Не волнуйся, **Заяц**, – успокаивает её Валентин Борисович [И. Пивоварова. О том, как Катя, Маня и Костя Палкин обиделись и решили заблудиться в лес (1986)]; (2) Я ему... вот так же надоедливо звоню однажды... а он и говорит (изображая): «**Заяц**, как ты отнесешься к тому, что я тебя брошу?» [Э. Радзинский. «Я стою у ресторана...» (Монолог женщины) (1990-2000)].

В подгруппе «*крыса*» (крыша, мышь) высокочастотным зоонимом, употребляемым в речевой практике в переносном значении, является слово *мышь*. Ведущими признаками лексемы *мышь* являются «быстрый, проворный, бесшумный» (**шнырять, шмыгать как мышь** [14, с. 126]) и «недовольный, озадаченный» (**смотреть, уставиться на кого-л. как мышь на крупу** [Там же, с. 176]; **надуться как мышь на крупу** [Там же, с. 185]), а лексемы *крыса* – «злобный, отвратительный» (см. реакции на стимул *крыса*: противная – 4 реакции, мерзость – 3 реакции [20]). Для зоонимов одной подгруппы в данном случае актуализированы совершенно разные

признаки, хотя взаимозаменяемость лексем в устойчивых выражениях очевидна (**лицо как у мыши/крысы** – о чьем-то сероватом, маленьком, невзрачном и остром лице [15, с. 418]; **разбегаться как крысы/мыши** – о внезапно, быстро и панически разбежавшихся (от страха) в разные стороны людях [Там же]; о людях, в панике убегающих от опасности и заботящихся лишь о собственном спасении или благополучии [5, с. 91]), равно как очевидно и их биологическое сходство (**крыса** – вредный грызун, внешним видом напоминающий мыш, но гораздо больших размеров, преимущественно с серой шерстью и длинным голым хвостом [Там же, с. 476]; **мышь** – небольшое млекопитающее отряда грызунов с острой мордочкой и длинным голым хвостом [Там же, с. 567]). Данные ассоциативных экспериментов показывают эту общность в сознании носителей русского языка: 2 реакции *мышь* на стимул *крыса* и 3 реакции *крыса* на слово *мышь* [20].

В качестве сильной коннотации у лексемы *мышь* необходимо выделить признак «мокрый, ослабевший» (**мокрый как мышь** – о человеке, совершенно мокрым от пота [14, с. 126]; **все на кого как на мокрую мышь** – о людях, набросившихся на слабого, беззащитного человека [15, с. 419]), а у лексем *мышь* и *крыса* – «бедный» (**бедный как церковная мышь/крыса** – о крайнее бедном, неимущем человеке [Там же, с. 418]). Эти признаки меньше всего относятся к внешнему виду и поведению животного, они более антропоцентричны, потому что отражают результаты деятельности человека. Так, выражение **бедный как церковная мышь/крыса** мотивировано тем фактом, что в церкви не хранят съестного [Там же], а выражение **мокрый как мышь**, как и выражение **мокрый как суслик**, связано с процедурой поимки человеком грызуна.

Лексикографическое описание слов данной тематической подгруппы не отражает полностью вторичное (переносное, метафорическое) значение лексем, которое представлено в качестве второго значения только у лексемы *крыса*: **крыса** – (с опр.) о человеке, род занятий, деятельность которого расценивается как что-то мелкое, ничтожное [5, с. 476].

Переходные коннотации актуализируют такие свойства животного по отношению к человеку, как «метаться», «проникнуть/проскользнуть», «притаиться» и «пицать». См.: **метаться как крыса / угорелая мышь в западне/мышеловке** – о затравленном, напуганном и беспорядочно мечущемся в каком-либо замкнутом пространстве человеке [15, с. 313, 419]; **пробраться/проникнуть куда как крысы** – о наглом, упорном и коварном проникновении куда-либо большого множества неприятных, алчных людей [Там же, с. 314]; **притаиться/затаиться как мышь в норе/в норке** – об укрывшемся, затаившемся, спрятавшемся где-либо в укромном месте, осознавая свое бессилие, человеке [Там же, с. 419]; **петь/пицать как мышь** – о чьем-то слабом, писклявом, неприятном на слух голосе [Там же].

В представлении лексем *мышь* и *крыса* в сознании носителя русского языка актуализируются разные признаки, несмотря на биологическое сходство животных: «коварный, злобный» (*крыса*) и «слабый, тихий» (*мышь*). Анализ речевых употреблений данных зоонимов не выявил слабых коннотаций для зоонимов *мышь* и *крыса*, но показал интенсификацию семантического компонента «спрятаться за спину кого-либо, найти уютное место», представленное в составе второго словарного значения для зоонима *крыса* (штабная, музейная, канцелярская, архивная, тыловая, конторская, министерская крыса). См. примеры: Огрызкову не понравился и командир, эта штабная **крыса**, который стремится командовать, подчинить их себе, но делает это без необходимой власти и твёрдости [В. Быков. Болото (2001)]; У нас теперь работает генеалогическая группа, три специалиста высшей квалификации, один — архивная **крыса**, второй с хваткой детектива, ну а третий просто английский шпион [В. Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)].

Для зоонима *крыса* анализ контекстов употребления показал актуализацию семы локуса (крыса на помойке, помойная крыса). См. примеры: Саня, хоть и хромой, казался весьма живым и живучим, как помойная **крыса** [А. Иванов (Алексей Маврин). Псоглавцы. Гл. 21-39 (2011)]; Недавно умерла моя мама, она говорила: «Я уми-

раю, как **крыса** на помойке» [С. Алексиевич. Время second-hand // Дружба народов, 2013].

Определение *старая* при употреблении лексемы *крыса* нейтрализует даже сильную коннотацию зоонима. В таких контекстах более значима сема «возраст», чем «злбный человек». См. примеры: Жаль, что теперь вы не столько Цезарь, сколько старая **крыса**... [И.Ф. Анненский. Вторая книга отражений (1909)]; Не бейте меня, люди, я старая **крыса**, клянусь вам, не более того! [М. Петросян. Дом, в котором... (2009)].

Необходимо отметить особенность выбора носителем языка признака при обозначении человека. Этот признак не всегда совпадает с особенностями биологического вида. Так, для *ежа*, *дикобраза* и *ехидны* характерны иголки, и они востребованы как коннотативный признак, для *зайца* и *кролика* – уши, и примеров на этот признак практически нет, для *крысы* и *мыши* – длинный голый хвост, который не представлен в речевой практике, хотя актуализирован в сознании носителя как коннотативный признак (6 реакций на стимул *крыса* [20]).

Для зоонима *крот* сильными коннотациями являются «слепой» и «рыться», однако в лексикографическом описании в толковом словаре эти признаки присутствуют лишь в иллюстративном материале. См.: **крот** – небольшое насекомоядное млекопитающее, живущее под землей. мех этого животного. *Крот роет норы. Что ты сидишь взаперти, как крот? Слепой, как крот* [5, с. 473]. Эти же признаки представлены в устойчивых сравнительных оборотах: **рыться, копать в чем-л. как крот** – 1. усердно, долго обрабатывать землю; 2. о человеке, захваченном чтением, архивными разысканиями и т.д. [14, с. 84]; **слепой как крот** – 1. о человеке с крайне слабым зрением; 2. перен. о человеке, намеренно не замечающем кого-, что-либо [14, с. 61]. Признак *слепой* является самой частотной реакцией на слово *крот* в ассоциативных экспериментах (30 реакций на стимул [20]).

В качестве переходных коннотаций, детализирующих, расширяющих сильные коннотации, следует назвать признаки «хозяйствен-

ный» и «нелюдимый»: **домовитый как крот** – об очень хозяйственном, рачительном, запасливом человеке [15, с. 311]; **как крот** – о скрытном, затаившемся, боязливом человеке [Там же]; **сидеть/ зарыться как крот в норе** – об одиноком, нелюдимом, угрюмом домоседе [Там же]; **жить как крот в [своей] норе** – о чьей-либо одинокой, замкнутой, нелюдимои, угрюмой жизни [Там же].

Название *крот* в значении «секретный агент» представляет собой метафорический перенос (копаться в чем-то → выведывать секреты) и относится к сфере субстандартного языка (первоначально профессионального языка разведчиков).

Употребление зоонима *крот* в современной речевой практике ограничивается контекстами, актуализирующими сильные и переходные коннотации.

Заключение

Анализ функционирования зоонимов тематической группы «Зайцеобразные млекопитающие» показал, что лексикографическое описание слов данной тематической группы не всегда отражает вторичное (переносное, метафорическое) значение. Статус коннотативного компонента в таком случае различен: в одних случаях это второе словарное значение, в других – коннотация, дополняющая первое словарное значение. Такое положение не устраивает ни составителей, ни пользователей словаря, так как не отражает реальное (актуальное) функционирование зоонимов в современной речевой практике. Однако изучение речевой практики показывает не только расширение коннотативного потенциала зоонимов, его содержания, но и изменение его состава, перераспределение его компонентов и усиление антропоцентрического начала, то есть его связи с человеческим сознанием.

Анализ материала осуществлялся путем выявления у зоонима признаков разного типа: «сильные коннотации» (Ю.Ю. Ушакова), которые мы называем словарными, то есть представленными в толковании лексического значения в словарях литературного русского языка; коннотации, которые являются переходными от сильных

к слабым, то есть закрепленными в языковом сознании носителя языка, но не представленными в словарях литературного русского языка, и слабые коннотации, которые не ассоциируются в полной степени в языковом сознании с данным зоонимом, так как имеют множественные синтагматические связи и эти связи лишь частично могут пересекаться с употреблением зоонима.

Нами были выявлены две тенденции развития коннотативного потенциала зоонимической лексики современного русского языка: первая – семантические модификации, основанные на семантико-прагматических процессах, и вторая – антропоцентризация, которая предполагает смену ценностной ориентации в сторону человека.

Первая тенденция – семантические модификации – предполагает видоизменение смыслового содержания коннотативного макрокомпонента зоонимов за счет появления новых признаков (узуальных, окказиональных, антропоцентрических), актуализации/потери части фоновых знаний как компонента культурной коннотации, усилении роли ассоциативных образов (зрительных, слуховых), а также замену оценочности (нейтральной, положительной, отрицательной), нейтрализацию оценочной коннотации, расширение коннотативного потенциала за счет взаимозаменяемости компонентов словосочетания.

Необходимо отметить, что граница между коннотациями в языке и речи не является застывшей. Выявленные нами случаи употребления в речи зоонимов подтверждает тот факт, что речевая практика актуализирует как узуальные, так и окказиональные коннотативные компоненты. Особенно интересны коннотации, которые связаны с ассоциациями носителя русского языка как среднего носителя культуры (*сурок, суслик, еж, заяц*). Во многом в связи с этим в анализируемом материале была выявлена антропоцентрическая коннотация как вид культурной коннотации, которая формируется за счет использования зоонимов в качестве личных имен и прозвищ человека (*Суслик, Крот, Заяц*).

Наш материал подтверждает выводы исследователей, утверждающих, что главным механизмом возникновения коннотаций устой-

чивых сравнений русского языка выступают зрительные ассоциации (*суслик, сурок, заяц, ёж*).

Исследуемая тематическая группа относится, по данным Е.Е. Юркова, на 80% к пейоративной оценочной направленности, хотя ее пейоративность, по мнению ученого, и кажется удивительной, но это только из-за названия. Состав же группы с очевидностью ее предполагает [32, с. 431-432]. Наши примеры показывают, что внутри коннотативного макрокомпонента зоонимов происходят трансформации (от негативной оценки к нейтральной и положительной), причем положительные коннотации чаще наблюдаются в примерах хронологически более ранних, чем отрицательные (*суслик, хомяк*). В целом употребление большинства зоонимов в качестве обозначения человека имеет негативную оценочную коннотацию. Некоторую роль здесь играет синтаксическая позиция. Так, нами было выявлено, что в функции обращения зооним *заяц* может иметь и положительную, и нейтральную оценочную коннотацию.

В исследуемом материале зафиксированы случаи частичной нейтрализации сильной коннотации зоонима. Например, определение *старая*, употребленное с зоонимом *крыса*, актуализирует более значимую сему «возраст», чем сему «злостный человек». О частичной нейтрализации денотативного компонента можно говорить в выявленных примерах с взаимозаменой зоонимов (*косоглазый как кролик/заяц; уставиться как заяц/кролик на удава; пьяный заяц/суслик/ёжик*).

Вторая тенденция – антропоцентризация – выявляется при анализе коннотаций, которые не направлены на актуализацию постоянного признака животного для обозначения человека, а наоборот, выделяют в животном признаки человека, а также коннотации, представляющие признаки животного, которые отражают результаты деятельности человека. Так, например, *ехидне* приписывается качество человека – *хихикать*, а выражение *бедный как церковная мышь/крыса* мотивировано тем фактом, что в церкви не хранят съестного [15, с. 418], так же как выражение *мокрый как мышь/суслик* связано с процедурой поимки человеком грызуна.

Чрезвычайно важными в анализируемом материале оказались выводы о мотивационных основаниях выделения коннотативного признака. Так, нами было отмечено, что в представлении слов *мышь* и *крыса* в сознании носителя русского языка актуализируются разные признаки, хотя биологическое сходство животных неоспоримо: «коварный, злобный» (*крыса*) и «слабый, тихий» (*мышь*). Необходимо также отметить, что выделенный человеческим сознанием коннотативный признак не всегда совпадает с особенностями биологического вида животного. Так, для *ежа*, *дикобраза* и *ехидны* характерны иголки, и они востребованы как коннотативный признак, для *зайца* и *кролика* – уши, и примеров на этот коннотативный признак практически нет, для *крысы* и *мыши* – длинный голый хвост, который не представлен в речевой практике, хотя актуализирован в сознании носителя как коннотативный признак (6 реакций на стимул *крыса* [20]).

Исследование показало также недостатки в представлении зоонимов в словарях. Мы обнаружили, что часть сочетаний с зоонимом узнаваема носителями русского языка, следовательно, закреплена в языковом сознании, то есть коннотативный признак таких зоонимов можно считать сильной или переходной коннотацией, по нашей терминологии, но он не отмечен в толковых или иных словарях. И наоборот, часть сочетаний представлена в словарях, но, по нашему мнению, не обладает сильной или даже переходной коннотацией. Так, сочетания **мотать, бегать <туда-сюда> как соленый заяц и петлять как заяц**, представленные в словаре [15] вряд ли так прочно закрепились в языковом сознании носителя русского языка, как, например, **дрожать, бояться, трусить как заяц; убежать, удирасть как заяц; трусливый, пугливый, трусить, пугаться, бояться как заяц; смотреть, уставиться на кого-л. как кролик на удава**. Напротив, коннотативный признак «замирать» у зоонима *суслик* в словарях не указан, но в современной речевой практике употребляется часто, узнаваем носителями современного русского языка, а значит, закреплён в их языковом сознании. Поэтому кроме теоретической значимости, предполагающей расширение знаний о тен-

денциях развития коннотативной системы современного русского языка, работа имеет и практическую значимость, заключающуюся в корректировке словарных дефиниций зоонимов. Конечно, для окончательного решения вопроса лексикографирования зоонимов необходимо, кроме анализа дискурса, провести обширные ассоциативные эксперименты, поэтому по результатам нашего исследования можно предложить только рекомендации составителям словаря.

Перспективы исследования состоят в анализе по методике, предложенной в статье, другие тематические группы зоонимической лексики, чтобы уточнить направления развития коннотативной системы русского языка в целом.

Список литературы

1. Абдуллаева Ф.Э. Экспериментально-теоретическое исследование вторично номинированных значений бионимов русского, азербайджанского и китайского языков: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2017. 22 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. Волгоград: Перемена, 1999. 274 с.
3. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I: Лексическая семантика; 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 482 с.
4. Бойко Л.Г. Культурно маркированное содержание устойчивых сравнений русского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 27 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
6. Булдаков В.А. Коннотация в знаменательной лексике и фразеологии современного немецкого языка (контенсивно-менталингвистический подход): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 43 с.
7. Говердовский В.И. Диалектика коннотации и денотации: (Взаимодействие эмоционального и рационального в лексике) // Вопросы языкознания. 1985. № 2. С. 71-79.

8. Зубкова Л.И. Русское имя второй половины XX века в лингвокультурологическом аспекте (по произведениям Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина): Автореф. дис. ... докт. филол. наук Воронеж, 2009. 40 с.
9. Иванилов В.М. Ассоциативный потенциал слова как основа толкования сновидений: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 24 с.
10. Иванищева О.Н. Лексикографирование культуры в двуязычном словаре: Дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 2005. 411 с.
11. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. Учебное пособие. М.: УРСС Эдиториал, 2000. 352 с.
12. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: Издательство Московского университета, 1969. 192 с.
13. Кропотова Л.В. История развития лексической коннотации // Язык и культура. 2010. № 1 (9). С. 33-47.
14. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: краткий тематический словарь. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2017. 283 с.
15. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 800 с.
16. Минеева З.И. Полисемия в русских зоотропах // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 328-338.
17. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]: информ.-справ. система. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 23.12.2020).
18. Никитина О.А. О становлении понятия «коннотация» в лингвистике // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2017. № 2. Т. 1. С. 1-10.
19. Редькина О.В., Дзянь Я. Источники зоотропной лексики в русском языке // Общество. Наука. Инновации (НПК-2017): сборник статей Всероссийской ежегодной научно-практической конференции. Вятка: Вятский государственный университет, 2017. С. 2960-2968.
20. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 19.12.2020).

21. Рыжкина О.А., Чақыроглу С. Исследование зоонимических метафор в русской и турецкой лингвокультурах (предварительные данные) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. Т. 7. Вып. 2. С. 18-26.
22. Семантический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.ru/search.aspx?p=3068> (дата обращения: 16.12.2020).
23. Сенько Е.В. Китайские слова в современном русском языке: семантический аспект // Филологический класс. 2019. № 3 (57). С. 59-64.
24. Словарь русского арго [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068> (дата обращения: 17.12.2020).
25. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1985. 112 с.
26. Суколен А.Г. Исследование коннотативного компонента лексической семантике в российской и китайской лингвистике // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2016. № 1 (94). С. 90-93.
27. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 141 с.
28. Ушакова Ю.Ю. Лексическая наполняемость и структурно-семантические особенности компаративных тропов в русском языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2005. 48 с.
29. Черникова Н.В. Лексико-семантическая актуализация как средство отражения изменений в русской концептосфере (1985-2008 гг.): Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2008. 632 с.
30. Шаховский В.И. Типы значений эмотивной лексики // Вопросы языкознания. 1994. № 1. С. 20-25.
31. Щербак А.С., Бурькин А.А. К проблеме выявления отличительных особенностей прозвищ от личного имени // Вестник Томского государственного университета. 2009. Вып. 9 (77). С. 213-217.
32. Юрков Е.Е. Метафора лингвокультурного кода «Животные» // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 1-2. С. 431-438.

References

1. Abdullayeva F.E. *Eksperimental'no-teoreticheskoye issledovaniye vtorichno-nominirovannykh znacheniy bionimov russkogo, azerbaydzhanskogo i kitayskogo yazykov* [Experimental and theoretical study of the secondarily nominated meanings of bionyms of Russian, Azerbaijani and Chinese languages]: Abstract of PhD dissertation. Kemerovo, 2017, 22 p.
2. Alefirenko N.F. *Spornyye problemy semantiki*. [Controversial problems of semantics]. Volgograd: Peremena, 1999, 274 p.
3. Apresyan Yu.D. *Izbrannyye trudy. T. I: Leksicheskaya semantika; 2-e izd., ispr. i dop.* [Selected works. V. I: Lexical semantics]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1995, 482 p.
4. Boyko L.G. *Kul'turno markirovannoye sodержaniye ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka* [Culturally marked content of stable comparisons of the Russian language]: Abstract of PhD dissertation. Volgograd, 2009, 27 p.
5. *Bol'shoj tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Unabridged dictionary of Russian language]. St. Petersburg, Norint, 2000, 1536 p.
6. Buldakov V.A. *Konnotatsiya v znamenatel'noy leksike i frazeologii sovremennogo nemetskogo yazyka (kontensivno-mentalingvisticheskiy podkhod)* [Connotation in the significant vocabulary and phraseology of the modern German language (content-mental-linguistic approach)]: Abstract of PhD dissertation. St. Petersburg, 2011, 43 p.
7. Goverdovskiy V.I. *Dialektika konnotatsii i denotatsii: (Vzaimo-deystviye emotsional'nogo i ratsional'nogo v leksike)* [Dialectics of connotation and denotation: (Interaction of the emotional and rational in vocabulary)]. *Voprosy yazykoznaneya* [Linguistic studies]. Moscow, 1985, no. 2, pp. 71-79.
8. Zubkova L.I. *Russkoye imya vtoroy poloviny KHKH veka v lingvokul'turologicheskom aspekte (po proizvedeniyam F. Abramova, V. Astaf'yeva, V. Rasputina i V. Shukshina)* [Russian name of the second half of the twentieth century in the linguoculturological aspect (based on the works of F. Abramov, V. Astafiev, V. Rasputin and V. Shukshin)]: Abstract of PhD dissertation. Voronezh, 2009, 40 p.

9. Ivanilov V.M. *Assotsiativnyy potentsial slova kak osnova tolkovaniya snovideniy* [The associative potential of the word as the basis for the interpretation of dreams]: Abstract of PhD dissertation. Ekaterinburg, 2006, 24 p.
10. Ivanishcheva O.N. *Leksikografirovanie kul'tury v dvuyazychnom slova-re*. [Lexicography of culture in a bilingual dictionary]: Abstract of PhD dissertation. St. Petersburg, 2005, 411 p.
11. Kobozeva I.M. *Lingvisticheskaya semantika. Uchebnoye posobiye* [Linguistic semantics. Coursebook]. Moscow: URSS Editorial, 2000, 352 p.
12. Komlev N.G. *Komponenty sodержatel'noy struktury slova* [Components of the meaningful structure of the word]. Moscow: Moscow University Publ., 1969, 192 p.
13. Kropotova L.V. Istoriya razvitiya leksicheskoy konnotatsii [The history of the development of lexical connotation]. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. 2010, no. 1 (9), pp. 33-47.
14. Lebedeva L.A. *Ustoychivyye sravneniya russkogo yazyka: kratkiy tematicheskii slovar'* [Stable comparisons of the Russian language: a short thematic dictionary]. Moscow: FLINT, 2017, 283 p.
15. Mokiyyenko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoy slovar' russkikh narodnykh sravneniy* [Unabridged dictionary of Russian folk comparisons]. Moscow: ZAO OLMA Media Group, 2008, 800 p.
16. Mineyeva Z.I. Polisemiya v russkikh zootropakh [Polysemy in Russian zootropes]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye* [Knowledge. Understanding. Capability], 2014, no. 3, pp. 328-338.
17. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka* [National Corps of the Russian Language]. www.ruscorpora.ru (accessed 23.12.2020)
18. Nikitina O.A. O stanovlenii ponyatiya «konnotatsiya» v lingvistike [On the formation of the concept of “connotation” in linguistics]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva* [Volvskiy University Bulletin], 2017, vol. 1, no. 2, pp. 1-10.
19. Red'kina O.V., Dzyan' YA. Istochniki zootropnoy leksiki v russkom yazyke [Sources of zootropic vocabulary in Russian]. *Obshchestvo. Nauka. Innovatsii* [Society. Science. Innovations]. Vyatka: Vyatka University Publ., 2017, pp. 2960-2968.

20. *Russkij associativnyj slovar'* [Russian associative dictionary]. <http://www.thesaurus.ru/dict/> (accessed 19.12.2020)
21. Ryzhkina O.A., Chakyroglu S. Issledovaniye zoonimicheskikh metafor v russkoy i turetskoy lingvokul'turakh (predvaritel'nyye dannyye) [Research of zoonymic metaphors in Russian and Turkish linguocultures (preliminary data)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Novosibirsk University Bulletin]. 2009, vol. 7, no. 2, pp. 18-26.
22. *Semanticheskij slovar'* [Semantic Dictionary]. <http://slovari.ru/search.aspx?p=3068> (accessed 16.12.2020)
23. Sen'ko E.V. Kitayskiye slova v sovremennom russkom yazyke: semanticheskij aspekt [Chinese words in modern Russian: the semantic aspect]. *Filologicheskij klass* [Philology class]. 2019, no. 3 (57), pp. 59-64.
24. *Slovar' russkogo argo* [Dictionary of Russian argo]. <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068> (accessed 17.12.2020)
25. Sternin I.A. *Leksicheskoye znachenije slova v rechi*. [Lexical meaning of a word in speech]. Voronezh: Voronezh University Publ., 1985, 112 p.
26. Sukolen A.G. Issledovaniye konnotativnogo komponenta leksicheskoy semantike v rossiyskoy i kitayskoy lingvistike [Research of the connotative component of lexical semantics in Russian and Chinese linguistics]. *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny* [Gomel University Bulletin]. 2016, no. 1 (94), pp. 90-93.
27. Teliya V.N. *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh yedinit* [Connotative aspect of the semantics of nominative units]. Moscow: Nauka, 1986, 141 p.
28. Ushakova Yu.Yu. *Leksicheskaya napolnyayemost' i strukturno semanticheskiye osobennosti komparativnykh tropov v russkom yazyke* [Lexical filling and structural and semantic features of comparative tropes in the Russian language]: Abstract of PhD dissertation. Moscow, 2005, 48 p.
29. Chernikova N.V. *Leksiko-semanticheskaya aktualizatsiya kak sredstvo otrazheniya izmeneniy v russkoy kontseptosfere (1985-2008 gg.)* [Lexico-semantic actualization as a means of reflecting changes in the Russian conceptual sphere (1985-2008)]: Abstract of PhD dissertation. Moscow, 2008, 632 p.

30. Shakhovskiy V.I. Tipy znacheniy emotivnoy leksiki [Types of meanings of emotive vocabulary]. *Voprosy yazykoznanija* [Linguistics studies]. 1994, no 1, pp. 20-25.
31. Shcherbak A.S., Burykin A.A. K probleme vyyavleniya otlichitel'nykh osobennostey prozvizhch ot lichnogo imeni [On the problem of identifying the distinctive features of nicknames from a personal name]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk University Bulletin]. 2009, no. 9 (77), pp. 213-217.
32. Yurkov E.E. Metafora lingvokul'turnogo koda «Zhivotnyye» [Metaphor of the linguocultural code “Animals”]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Tula University Bulletin]. 2012, no. 1-2, pp. 431-438.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Болгова Елена Викторовна, аспирант кафедры филологии и медиакоммуникаций

*Мурманский арктический государственный университет
ул. Капитана Егорова, 15, г. Мурманск, Мурманская область,
183038, Российская Федерация
alena.bolgova2012@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Bolgova Elena V., Ph. D. student

*Murmansk Arctic State University
15, Kapitan Egorov Str., Murmansk, Murmansk Region, 183038,
Russian Federation
alena.bolgova2012@yandex.ru
SPIN-code: 1712-9088
ORCID: 0000-0002-9845-4638
Researcher ID: AAH-2887-2019
Scopus Author ID: 57205200285*